

А. МЕЙЕ О Н. Я. МАРРЕ: ОБЗОР*

В начале XX в. француз Антуан Мейе (1866–1936) и советский гражданин Николай Яковлевич Марр (1864–1934) были, вероятно, самыми известными лингвистами в своих «мирах»: Мейе — в Западной Европе в качестве вождя индоевропейского сравнительного языкознания, а Марр — в Советском Союзе как вестник так называемого марксистского советского языкознания. Эти два течения обычно считаются антагонистическими и противоположными, но это не помешало Марру и Мейе поддерживать контакты, переписываться друг с другом в течение многих лет и знать об исследованиях друг друга. Цель данной статьи — представить, во-первых, взаимные контакты этих двух лингвистов, сосредоточив внимание на содержании писем, которые Мейе писал Марру. Во-вторых, в статье исследовано, что Мейе думал о Марре и его теориях, в частности на основе многочисленных рецензий Мейе на работы Марра. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Антуан Мейе, Николай Яковлевич Марр, переписка, яфетидология, индоевропеистика, методология лингвистики.

Sébastien Moret

Université de Lausanne

A. MEILLET ABOUT N. YA. MARR: AN OVERLOOK

At the beginning of the 20th century, the French Antoine Meillet (1866–1936) and the Soviet Nikolaj Yakovlevich Marr (1864–1934) were probably the most prominent linguists in their respective “worlds”: Meillet, in Western Europe, as the chief of the Indo-European comparative linguistics, and, in the Soviet Union, Marr as the herald of the so-called Marxist Soviet linguistics. These two approaches generally considered antagonistic, but that did not prevent Marr and Meillet from maintaining contacts, corresponding with each other for many years and knowing about their respective research. First, this paper aims to present the contacts these two linguists had, focusing on the correspondence between Meillet and Marr. Secondly, the paper examines what Meillet thought about Marr and his theories, on the basis, in particular, of the numerous reviews that Meillet wrote about Marr’s works. Refs 11.

Keywords: Antoine Meillet, Nikolaj Yakovlevich Marr, correspondence, Japhetidology, Indo-European linguistics, methodology of linguistics.

В 1930 г. в статье «Яфетидология в Ленинградском государственном университете» Николай Яковлевич Марр (1865–1934) упомянул то, что, по его словам, думают о нем и о его теориях «в Париже»¹:

* Статья написана летом 2021 г.

¹ Для более детальной проработки вопроса см.: [Moret 2019].

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

В Париже печатают, что, если, однако, принять его учение, то придется перестроить всю господствующую ныне во всем мире лингвистику, так наз. индо-европейское учение, нет, не перестроить, а вовсе отказаться от общепринятого метода, то есть или переучиваться, или искать новое ремесло. И напрасно он думает прельстить нас своей яфетической теорией, подозрительным советским товаром, занимался бы он своим грузинским языком, мы это ценим, даже отчасти и армянские его штудии, и охотно предоставляем ему учить грузинскому нашу молодежь, да и тех, кто постарше. Под сурдинку по армянскому (ибо грузинскими штудиями мы вовсе сами не занимаемся, лишь критикуем) — по армянскому мы кое-что принимаем из старых его утверждений четвертьвековой давности, и оглашаем их, как новые откровения. Добро пожаловать, добрый учитель, только без яфетической теории! [Марр 1933 [1930]: 255]

В то время Париж с точки зрения лингвистики был вотчиной Антуана Мейе (Antoine Meillet, 1866–1936) и этот текст, полный негодования, также может быть прочитан как выражение того, что сам Мейе думал о Марре и его теориях (упоминание армянского языка, одной из специальностей Мейе, говорит в пользу такой интерпретации). Но что действительно Мейе думал о Марре? В статье предлагается обзор, основанный на текстах анализ того, что Мейе думал о Марре и марровском учении.

1. В начале XX в. Н. Я. Марр и А. Мейе были значимыми авторитетами и лидерами в маленьком мире лингвистики. Но они правили двумя разными и антагонистическими «территориями». Мейе был «королем» европейской лингвистики, которая в то время была в основном исторической и сравнительной. Вначале историческое и сравнительное языкознание было основано исключительно на так называемых индоевропейских языках и ориентировано на них. А. Мейе был специалистом почти по всем индоевропейским языкам, его самыми любимыми языками были славянские и, конечно же, армянский. Можно даже сказать, что в начале XX в. Мейе был самым известным и выдающимся специалистом по армянскому языку в Европе [de Lamberterie 2006]. Если историческое и сравнительное языкознание вначале основывалось на изучении индоевропейской языковой семьи, то позже оно старалось принимать во внимание языки, принадлежащие к другим семьям. Наряду с исторической и сравнительной лингвистикой индоевропейских языков появилась историческая и сравнительная лингвистика семитских, угро-финских, тюркских и кавказских языков, например. Как мы увидим позже, желание распространить цели и методы индоевропейской лингвистики на другие языковые семьи будет иметь большое значение для этой статьи.

С одной стороны — А. Мейе и индоевропейская лингвистика, а с другой — Н. Я. Марр и его «Новое учение о языке», принятое в Советском Союзе. Известно, что теория Марра была с начала 1920-х гг. почти официальной и почти единственной лингвистической теорией в СССР. Также известно, что теория Марра во многом была противоположна индоевропейской лингвистике, к которой Николай Яковлевич относился пренебрежительно и даже враждебно, считая ее,

среди прочего, порождением буржуазной идеологии: «Индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой» [Март 1926: 191].

Кроме того, известно, что Март продвигал в своей теории идеи, противоположные идеям индоевропейской лингвистики. Самый известный пример этой разницы во взглядах заключается в том, что для индоевропейской лингвистики эволюция и развитие языков происходит по принципу дивергенции: вначале был праязык или праязыки, которые привели в результате эволюции к появлению других родственных языков, как это видно из знаменитой модели в образе дерева Августа Шлейхера. Со своей стороны, Март считал, что индоевропейская лингвистика ошибочна (он говорил, например, что «праязык индоевропейских языков есть научная фикция» [Март 1933 [1924]: 213]) и что следует рассматривать эволюцию языка в соответствии с принципом конвергенции. Вместо того чтобы поставить во главу угла праязыки, породившие новые родственные языки, мы должны предположить, что вначале существовало множество языков, которые сольются в один общий мировой язык, следуя марксистской эволюции человечества к эгалитарному обществу без разделения на социальные классы [Март 1933 [1927]: 12].

2. Интересно проанализировать отношения между этими двумя лингвистическими школами. Прежде всего надо сказать, что каждая школа хорошо знала другую. Например, Март и большинство советских лингвистов, следовавших его теории, получили образование в рамках индоевропейской лингвистики, которая доминировала во всей Европе, а также в имперской России. Март и его коллеги-мартристы были тогда знакомы с доктриной и идеями индоевропейской исторической и сравнительной лингвистики. Кроме того, лингвист А. В. Десницкая упоминает в статье, что в 1920–1930-х гг. Мейе и другие французские языковеды были известны в СССР: «В период 20–30-х годов “Linguistique historique et linguistique générale” Антуанна [sic] Мейе и в особенности: “Le langage” Ж. Вандриеса рекомендовались начинающим лингвистам в качестве обязательного чтения. Хорошо помню, как в начале 30-х годов я рассказывала на экзамене по лингвистической теории о содержании именно этих книг» [Десницкая 1991: 474].

С другой стороны, лингвистическая теория Н. Я. Марра также была известна в Европе, но, вероятно, не так широко, как индоевропейская лингвистика в Советском Союзе. Одна из причин этого заключалась в том, что Март и представители его школы публиковали свои результаты на русском языке в книгах или периодических изданиях, которые было нелегко найти за пределами России (Vendryes 1924: 291). Тем не менее теория Марра была известна, изучена и прокомментирована в Европе благодаря переводам на немецкий язык некоторых важных текстов Марра и нескольким статьям на французском языке, содержащимся в некоторых выпусках «Яфетического сборника» (Vendryes 1924: 291). Начиная с XIX в. в России существовали прочные лингвистические традиции

и проживало немало известных лингвистов. В этих условиях европейские языковеды хотели следовать пути развития российской лингвистики. Еще один факт: Марр еще до создания «Нового учения о языке» подготовил очень важные работы по грузинской и армянской филологии, редактировал, переводил и комментировал некоторые неизвестные рукописи, в том числе религиозные. Это означает, что Марр был известен в Европе еще до своего «Нового учения о языке» как филолог-кавказолог².

3. Две школы не относились друг к другу положительно. Вообще говоря, Марр считал индоевропейскую лингвистику ошибочной, в то время как индоевропейцы считали идеи Марра фантастическими и ненаучными. Но это общее суждение. Более глубоко проанализировав отношения между индоевропейской лингвистикой и марризмом, можно создать картину, которая будет не только черно-белой. Интересно изучение личных отношений между Марром и Мейе и того, что они думали друг о друге. В данной статье я собираюсь представить и проанализировать отношения между этими учеными и мнение Мейе о Марре и его теориях, опираясь прежде всего на письма, которые Мейе отправлял Марру и которые хранятся в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге, и на многочисленные рецензии Мейе на книги и публикации Марра. Мейе написал сотни рецензий на книги и публикации по лингвистическим вопросам. Например, он известен своими рецензиями, опубликованными, в частности, в журнале Парижского лингвистического общества *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* и в журнале *L'année sociologique*, который был основан социологом Эмилем Дюркгеймом. Что касается рецензий, которые Мейе написал на публикации Марра, они печатались в основном в трех журналах: *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, *Revue des études arméniennes* и *Journal asiatique*. К настоящему времени в нашем распоряжении более 20 написанных Мейе рецензий, касающихся публикаций Марра [Moret 2019: 394–398].

Мейе писал рецензии на яфетидологические публикации Марра и его учеников, а также на его филологические работы по грузинским и армянским рукописям. Очень интересно читать и анализировать эти рецензии Мейе, потому что он вложил в них множество своих собственных идей об отдельных вопросах лингвистики или о лингвистике в целом. Насколько известно, Марр не писал рецензии как таковые на работы Мейе, но в ряде его статей присутствуют комментарии к некоторым произведениям, которые подтверждают осведомленность Марра о работах Мейе³. Контакты между этими лингвистами казались неизбежными [Baggioni 1977: 91]. Действительно, они жили почти в один и тот же период (Марр умер в 1934 г., а Мейе — в 1936 г.), они были самыми известными лингвистами своего времени на своих территориях (см. их некрологи), у них были общие интересы, такие как армянский язык и влия-

² См., например: (Meillet 1902; Meillet 1908; Meillet 1909) или (Meillet 1914–1915a).

³ См., например, то, что Марр пишет о книге *Les langues du monde* (1924) Мейе и Марсея Коэна (1884–1974): [Марр 1936 [1929]: 355–356].

ние социальных изменений на язык. Между двумя лингвистами действительно существовали контакты, самым ярким свидетельством которых является их переписка. Марр и Мейе писали друг другу в течение длительного времени. Например, в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге есть письма Мейе Марру за период с 1901 по 1924 г., но не исключено, что переписка длилась дольше. Кажется, что все письма Мейе написал Марру на французском. К сожалению, невозможно сказать, на каком языке были написаны письма Марра к Мейе (эти письма утеряны). Но мы можем предположить, что они также были написаны по-французски, учитывая тот факт, что Марр знал французский и даже написал статью на этом языке [Marr 1925]. В архиве Мейе, хранящемся в Париже в Коллеж де Франс, писем Марра нет. Это не только обидно, потому что они были бы очень интересны с точки зрения истории языкознания, но и странно, и можно задать вопрос, почему исчезли письма Марра к Мейе, учитывая тот факт, что архивы Мейе в Париже содержат сотни писем от различных ученых того времени [Bouquet 1987; Swiggers 1991]. По словам историка лингвистики Пьера Свиггера, который помогал привести в порядок архивы Мейе, с бумагами ученого обращались неосторожно, некоторые документы и письма исчезли после смерти Мейе в 1936 г. [Swiggers 2006: 138].

Тем не менее из писем, которые Мейе писал Марру, узнаются разные интересные факты. Во-первых, Марр присылал Мейе много своих научных работ. Во многих письмах мы видим, как Мейе благодарит Марра за присланную книгу или статью⁴. Во-вторых, в некоторых письмах Мейе также дает Марру некоторую оценку его работ. Но в целом Мейе очень осторожен, он никогда не говорит, что Марр абсолютно неправ. Мейе предпочитает писать, что он не совсем компетентен, чтобы судить, и, возможно, он не полностью убежден в правильности того, что написал Марр⁵. Наконец, мы видим, что Мейе и Марр выразили желание встретиться друг с другом. Есть, например, письмо Мейе от 28 мая 1903 г., в котором он сказал:

Я был бы очень рад с Вами встретиться, если это возможно, чтобы познакомиться лично и побеседовать. Вы мне доставите настоящее удовольствие, дав шанс увидеть Вас в любом месте и в любое удобное для Вас время. Устроить все наилучшим образом, надеюсь, в моих силах⁶.

⁴ Например, письмо Мейе Марру от 12 ноября 1910 г. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.

⁵ Например, письмо Мейе Марру от 10 декабря 1924 г. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.

⁶ Письмо Мейе Марру от 28 мая 1903 г. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231: «Je serais bien désireux de vous rencontrer s'il était possible, pour avoir l'occasion de faire votre connaissance et pour m'entretenir avec vous. Vous me feriez un vif plaisir en m'indiquant si j'ai la chance de vous voir dans l'un ou l'autre endroit, et si, en modifiant les dates dans la mesure du possible, j'y pourrais réussir mieux.»

Неизвестно, что Марр ответил Мейе, но из другого письма мы знаем, что Марр тоже хотел встретиться с Мейе и другими французскими лингвистами⁷.

Интересен вопрос об их возможной встрече или встречах. В некоторых книгах о Марре и марризме, например [Алпатов 2004] или [Velmezova 2007], мы не находим никаких доказательств того, что они действительно встретились. В недавно изданной книге на французском языке мы даже можем прочесть, что Марр и Мейе никогда не встречались физически [Gandon (ed.) 2014: 62]. Но такие доказательства существуют, и Марр и Мейе действительно встречались, когда Марр был в Париже. Например, одним из таких свидетельств является письменный протокол заседания Общества армянских исследований (*Société des études arméniennes*) от 26 января 1923 г., который доказывает, что Марр и Мейе вместе присутствовали на этой встрече⁸.

4. После небольшого обзора личных контактов между Марром и Мейе ознакомимся подробнее с рецензиями Мейе на творчество Марра, и с тем, что Мейе думал о теории Марра. Прежде всего нужно отметить две вещи. Во-первых, Мейе достаточно хорошо знал основные идеи яфетической теории, как видно из этой цитаты:

Основная идея г-на Марра, та, которой он придает основополагающее значение, заключается в том, что в индоевропейских языках присутствует важный элемент, происходящий из большой лингвистической группы, вероятней всего когда-то охватывавшей всю Европу, из которой вышли баскский и этрусский, и полностью сохранившийся в языках Кавказа. Следы группы, содержащей множество типов, различавшихся по фонетике, могли бы быть обнаружены в Европе, как сейчас они наблюдаются на Кавказе (Meillet 1925b: 270).

И, во-вторых, Мейе не был полностью против идей Марра. Напротив, он иногда писал, что некоторые работы Марра хороши и полезны для лингвистики. Вот несколько примеров. Как было сказано выше, Мейе имел довольно хорошее представление о теории Марра; он даже полагал, что отправная точка этой теории — гипотеза о том, что в Европе до появления индоевропейских языков могли существовать языки, относящиеся к другим языковым семьям, — интересна и, вероятно, плодотворна для развития языкознания (Meillet 1928a: 226; Meillet 1925b: 271). Точно так же Мейе тепло приветствовал публикацию Марром надписей, найденных в Ване, в Армении (Meillet 1925c: 339–340). Мейе также положительно оценил работу Марра над грузинским и другими кавказскими языками (Meillet 1927b: 195).

⁷ Письмо Мейе Марру от 6 декабря 1910 г. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.

⁸ *Revue des études arméniennes*, 1923, tome III, p. 133. Марр и Мейе также вместе присутствовали в собрании Парижского лингвистического общества (*Société de linguistique de Paris*) от 29 апреля 1911 г.: *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1911, tome XVII, p. x.

Как видим, Мейе положительно оценивал некоторые стороны работ Марра. Но стоит отметить, что он также довольно сильно критиковал некоторые другие аспекты марризма. По словам Мейе, у теории Марра были две основные проблемы: во-первых, отсутствие строгой методики, во-вторых, склонность идти своим путем, не считаясь с опытом предшественников. Марр «считает доказанным...» (Meillet 1928a: 228); он предлагает «произвольный анализ произвольно выбранных слов» (Meillet 1933: 27); он приводит примеры, но не доказывает [Velmezova 2007: 247]; он работает только с гипотезами (Meillet 1927a: 195).

В то же время Мейе сожалеет, что Марр не следует идеям или работам других лингвистов, что он работает более или менее для себя. Мейе регулярно задается вопросами: почему Марр не выбрал алфавитный порядок для своего старогрузинского словаря⁹; почему он не использует системы транскрипции, которые обычно используются лингвистами, а создает свои собственные системы (Meillet 1925c: 339); почему он не использует для языка ахеменидских клинообразных надписей название, принятое всеми лингвистами (Meillet 1914–1915b: 137)?

Две упомянутые основные критические претензии к методологии, высказанные Мейе в адрес Марра, раскрывают представление Мейе о лингвистике как о науке. По мнению Мейе, лингвистика так успешно развивалась с XIX в. и добилась таких значительных результатов именно потому, что она создала свой собственный научный метод. И все эти результаты доказывают, что метод хорош (Meillet 1928b: 254). Мейе непонятно, почему лингвист не должен использовать одобренный и успешный метод и подход в своих собственных исследованиях. Для Мейе лингвистика — это еще и незавершенная работа. Мейе считал, что все лингвисты мира преследуют одну и ту же общую цель: анализ и описание всех языков мира в соответствии со сравнительно-историческим методом и раскрытие общих законов языка, которые проложат путь к разработке общего языкознания. Согласно Мейе, идеал общей лингвистики может быть достигнут только тогда, когда будет изучено, проанализировано и описано как можно больше языков (Meillet 1936: 157–159). И в этой связи кавказские языки для Мейе имеют особое значение. Очень часто в своих письмах Мейе поздравляет Марра с его работами по грузинскому и другим кавказским языкам¹⁰. Он также часто повторяет, что кавказские языки необходимо изучать и описывать с помощью историко-сравнительного метода, что лингвистике абсолютно необходима сравнительная грамматика кавказских языков, чтобы суметь прийти к общему языкознанию (Meillet 1925b: 271). Вероятно, по мнению Мейе, Марр был лучшим лингвистом, способным выполнить эту работу над кавказскими языками (Meillet 1921: 263), и в некоторых обзорах мы обнаруживаем, что Мейе, как кажется, сожалеет о том, что Марр все-таки не выполнил работу, которую, как Мейе сильно надеялся, тот мог проделать (Meillet 1927a: 195). В одной рецензии Мейе даже поднял важный вопрос: «Когда мы найдем ученого, который просто будет заниматься сравни-

⁹ Письмо Мейе Марру от 10 января 1914 г. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.

¹⁰ Письмо Мейе Марру от 12 ноября 1910. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.

тельной грамматикой кавказских языков?» (Meillet 1927a: 195). В понимании Мейе это «просто», вероятно, означало «в соответствии с историко-сравнительным методом». Добавим, что, по мнению Мейе, только точное описание Марром и его последователями сравнительной грамматики кавказских языков смогло бы подтвердить идеи Марра (Meillet 1928a: 227).

5. В некоторых рецензиях Мейе упрекал Марра в смешении лингвистики и политики. Например, он критиковал Марра за утверждение о том, что индоевропейская лингвистика является продуктом буржуазной идеологии (Meillet 1927a: 194). По мнению Мейе, невозможно смешивать науку и политику, науку и идеологию, даже несмотря на то что он сам иногда поступал именно таким образом (см., например [Moret 2011]). Для него наука была слишком важным вопросом, к которому нужно относиться положительно и нейтрально. Но, опять же, не в этом была главная проблема идей и теорий Марра. Основная проблема Марра заключалась в том, что он не хотел следовать утвержденному методу сравнительной лингвистики, что он шел своим путем. Мейе критиковал в основном научные взгляды Марра, а не политические или идеологические. В тексте Мейе 1925 г. — в котором имя Марра не фигурирует, но в котором есть элементы, заставляющие думать о нем (отсутствие строгой методики, произвольные сравнения, кавказские языки, этимология имен собственных) — присутствует очень интересное выражение, которое резюмирует, как кажется, то, что Мейе думал о Марре: Марр был «лингвистом-авантюристом», «*un aventurier de la linguistique*» (Meillet 1925a: 41–42).

Источники иллюстративного материала

- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1231.
- Marr H. Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л.: Изд. Научно-исследоват. ин-та этнических и национальных культур народов Востока СССР, 1926.
- Marr H. Я. Основные достижения яфетической теории // Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. I: Этапы развития яфетической теории. Л.: Издательство ГАИМК, 1933. С. 197–216.
- Marr H. Я. Автобиография // Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. I: Этапы развития яфетической теории. Л.: Издательство ГАИМК, 1933. С. 6–13.
- Marr H. Я. Яфетидология в Ленинградском государственном университете // Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. I: Этапы развития яфетической теории. Л.: Издательство ГАИМК, 1933. С. 254–272.
- Marr H. Я. Язык и письмо // Н. Я. Марр. Избранные работы. Том II: Основные вопросы языкознания. Л.: Госуд. социально-экономическое изд-во, 1936. С. 352–371.
- Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. XVII. Paris, 1911. P. x.
- Marr N. Postface // Яфетический сборник / Recueil Japhétique III. М.; Л.: Главное управление научными учреждениями — Госуд. изд-во, 1925. С. 165–177.
- Meillet A. M. [sic] Marr. Textes i razyskanija po armjano gruzinskoj filologij. III. Ippolit, tolkovanije pësnì pësnëj (Textes et recherches relatifs à la philologie arméno-géorgienne. III. Hippolyte, explication du Cantique des Cantiques). — Saint-Pétersbourg, 1901 (10 p. non paginées). cxiv-(2)-32-(2)-67 (en géorgien) p., forme le vol. V des éditions de la Faculté des langues

- orientales de l'Université de Saint-Petersbourg // *Revue de l'histoire des religions*, 1902, I. P. 122–123.
- Meillet A. Marr. Osnovnyja tablicy k grammatikê drevne-gruzinskovo jazyka, s predvaritel'nym soobščeniem o rodstvê gruzinskovo jazyka s semitičeskimi. St. Pétersbourg, 1908, in-4°, IX–16 p. et 20 tableaux // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1908. Vol. 15, no.°56. P. lxxxij.
- Meillet A. N. Marr. — Ioann Petrickij Gruzinskij neoplatonik XI–XII Veka (N. Marr. Jean de Petric, néoplatonicien des XIe–XIIe siècles). — Saint-Petersbourg, 1909, in-8°, 61 p. (extrait des *Zapiski vostočnago otdelenija imp. russk. arx. obščestva*, XIX. P. 53–113) // *Revue de l'histoire des religions*. 1909. II. P. 103–105.
- Meillet A. N. Marr. — Drevnegruzinsko-russkij slovar' k 1–2 glavam evangelia Marka. Pétersbourg (Académie des Sciences). 1913. in-8, 21 p. (paginées de 1 à 40 colonnes) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1914–1915a. T. 19. P. 136–137.
- Meillet A. N. Marr. — Opredèlenje jazyka vtoroj kategorij axemenidskix klinoobraznyx nadpisej po dannym jafetičeskovo jazykoznanja. Pétersbourg, 1914, in-8, 76 p. et 1 tableau (extrait des *Zapiski vostočnovo otdèlenija imp. russk. arxeologičeskovo obščestva*, LXXII) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1914–1915b. T. 19. P. 137–138.
- Meillet A. N. Marr. — *Jafetičeskij Kavkaz i hetij etničeskij element v sozdani i sredizemnomorskoj kul'tury*. Leipzig, 1920, in-8, 54 p. (*Materialy po jafetičeskomu jazykoznaniju*, XI) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1921. T. 22. P. 262–263.
- Meillet A. La méthode comparative en linguistique historique. Oslo: H. Aschehoug & Co ; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1925a.
- Meillet A. N. Marr. — *Jafetičeskaja teorija*. Moscou (*Naučnaja asociacija vostokovedenija*), 1924, in-8, 38 p. — *Terminy iz abchazo-russkich etničeskix svjazej "lošad" i trizna*. Leningrad (*Narkompros Abchazij*), 1924, in-8, 57 p. — *Jafetičeskij sbornik* (Recueil japhétique), III, Moscou et Leningrad (*Gosizdat*), 1925, in-8, vii–177 p. // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1925b. T. 26. P. 270–272.
- Meillet A. Arxeologičeskaja èkspedicija 1916 goda v Van. Raskopki dvux niš na Vanskoj skale i nadpisi Sardura vtorogo iz raskopok zapadnoj niši. Doklady N. Marra i I. Orbeli (*Expédition archéologique de 1916 à Van. Exploration de deux niches dans le rocher de Van. Inscription de Sardur II provenant des fouilles dans la niche ouest. Rapport de N. Marr et I. Orbeli*). — Pétersbourg, 1922; in-4°, iv–67 pages, plus p. A–G de textes cunéiformes et I–XX de planches // *Journal asiatique*. 1925c. T. II. P. 339–340.
- Meillet A. N. Marr. — *Klassificirovanij perečëñ pečatnyx rabot po jafetidologij*. Leningrad, 1926, in-8, 32 p. (*Komitet po izučeniju jazykov... narodov vostoka S. S. S. R.*, 7) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1927a. T. 27. P. 194–195.
- Meillet A. N. Marr. — *Grammatika drevneliteraturnovo gruzinskovo jazyka*. Leningrad (Académie des sciences), 1925, in-8, xxiv–215 p. (*Materialy po jafetičeskomu jazykoznaniju*, XIII) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1927b. T. 27. P. 195.
- Meillet A. N. Marr. — *Po etapam razvitija jafetičeskoj teorij*. Moscou-Leningrad, 1926, in-8, viii–387 p. (*Naučno-issledovatel'sky institut etničeskix i nacional'nyx kul'tur narodov vostoka SSSR [Moskva]*) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1928a. T. 28. P. 226–228.
- Meillet A. *Handes Amsorya*, 1927, n.°11–12 // *Revue des études arméniennes*. 1928b. T. VIII. Fasc. 2. P. 253–257.
- Meillet A. N. Marr. — *Jazykovaja politika jafetučeskoj [sic] teorii i udmurskij jazyk*. Moscou (centr. izdatel'stvo nar. S.S.S.R.), 1931, 126 p. // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1933. T. 34. P. 27.

- Meillet A. Ce que la linguistique doit aux savants allemands // Meillet 1936. P. 152–159.
Revue des études arméniennes. Paris, 1923. T. III. P. 133.
- Vendryes J. Chronique XIII. La théorie japhétique de M. Marr // Revue celtique. 1924. Vol. XLI.
No. 1–2. P. 291–293.

Литература

- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: УРСС, 2004.
- Десницкая А. В. Французские лингвисты и советское языкознание 1920–1930-х годов // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1991. № 5. С. 474–484.
- Baggioni D. Contribution à l'histoire de l'influence de la "Nouvelle Théorie du langage" en France // Langages. 1977. No. 46. P. 90–117.
- Bouquet S. Les archives d'Antoine Meillet au Collège de France. Présentation et catalogue provisoire // Archives et documents de la Société d'histoire et d'épistémologie des sciences du langage. 1987. Vol. 8, no. 1. P. 113–140.
- Gandon F. (éd.). Meillet en Arménie. Journaux et correspondance (1891, 1903). Limoges: Lambert-Lucas, 2014.
- de Lamberterie Ch. La place de l'arménien dans la vie et l'œuvre d'Antoine Meillet // G. Bergounioux & Ch. de Lamberterie (dir.), Meillet aujourd'hui. Leuven — Paris: Peeters, 2006. P. 147–189.
- Moret S. Antoine Meillet et le futur des empires après la Première guerre mondiale // Langages. 2011. No. 182 (juin 2011). P. 11–24.
- Moret S. Meillet et Marr // S. Moret & A. Forquenot de La Fortelle (dir.) Histoire des linguistiques, histoire des idées. Mélanges en l'honneur de Patrick Sériot / История лингвистики, история идей. Фестшриффт в честь Патрика Серию. М.: ОГИ, 2019. С. 361–399.
- Swiggers P. Les archives Meillet au Collège de France: additions et corrections à l'inventaire // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1991. 86/1. P. 367–370.
- Swiggers P. La mort de Meillet // G. Bergounioux & Ch. de Lamberterie (éd.), Meillet aujourd'hui. Leuven — Paris: Peeters, 2006. P. 137–146.
- Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern [etc.]: Peter Lang, 2007.

References

- Alpatov V.M. *The Story of a myth: Marr and Marrism*. Moscow, URSS Publ., 2004. (In Russian)
- Baggioni D. Contribution à l'histoire de l'influence de la "Nouvelle Théorie du langage" en France. *Langages*, 1977, no. 46, pp. 90–117.
- Bouquet S. Les archives d'Antoine Meillet au Collège de France. Présentation et catalogue provisoire. *Archives et documents de la Société d'histoire et d'épistémologie des sciences du langage*, 1987, vol. 8, no. 1, pp. 113–140.
- Desnitskaia A. V. French Linguists and Soviet Linguistics of the 1920s–1930s. *Izvestiia Akademii nauk. Seriiia literaturny i iazyka*, 1991, no. 5, pp. 474–484. (In Russian)
- Gandon F. (éd.). *Meillet en Arménie. Journaux et correspondance (1891, 1903)*, Limoges, Lambert-Lucas, 2014.
- de Lamberterie Ch. La place de l'arménien dans la vie et l'œuvre d'Antoine Meillet. G. Bergounioux & Ch. de Lamberterie (dir.), *Meillet aujourd'hui*, Leuven — Paris, Peeters, 2006, pp. 147–189.
- Moret S. Antoine Meillet et le futur des empires après la Première guerre mondiale. *Langages*, 2011, no. 182 (juin 2011), pp. 11–24.

- Moret S. Meillet et Marr. S. Moret & A. Forquenot de La Fortelle (dir.), *Histoire des linguistiques, histoire des idées. Mélanges en l'honneur de Patrick Sériot / Istoriiia lingvistiki, istoriia idei. Festschrift v chest' Patrika Serio*. Moscou, OGI, 2019, pp. 361–399.
- Swiggers P. Les archives Meillet au Collège de France: additions et corrections à l'inventaire. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1991, 86/1, pp. 367–370.
- Swiggers P. La mort de Meillet. G. Bergounioux & Ch. de Lamberterie (éd.), *Meillet aujourd'hui*, Leuven — Paris, Peeters, 2006, pp. 137–146.
- Velmezova E. *Les lois du sens: la sémantique marriste*. Bern [etc.], Peter Lang, 2007.

Сведения об авторе

Морэ Себастиан

Доктор филологических наук, доцент

Лозаннский университет

Quartier UNIL-Chamberonne, Bâtiment Anthropole, 1015 Lausanne, Швейцария

Sébastien Moret

PhD / Dr. Sci. in Philology, Senior lecturer

University of Lausanne

Quartier UNIL-Chamberonne, Bâtiment Anthropole, 1015 Lausanne, Switzerland